

Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. глазами сотрудников московской полиции

Публикация И. В. Говорова

Декабрьское вооруженное восстание — ключевой момент революции 1905–1907 гг., который до сих пор вызывает споры и различные оценки. Если в советской историографии давались однозначные характеристики происходивших событий, подчеркивался героизм и самоотверженность восставших, жестокость властей при его подавлении, то с 1990-х гг. подходы начинают меняться. Появляются работы, в которых оценки советского периода меняются кардинально. Революционеры превращаются в террористов и разрушителей России, защитники «прогневшего царского режима» — в защитников стабильности и целостности государства¹. Таким образом, события декабря 1905 г. до сих пор рассматриваются через призму идеологии и требуют глубокого объективного рассмотрения. В связи с этим особый интерес представляет взгляд на дни восстания с «различных сторон баррикад», участия в них силовых структур.

Вниманию читателей представляются два документа, посвященные участию в событиях декабря 1905 г. сотрудников московской полиции. Первый — это официальный отчет о деятельности Московской столичной полиции в период восстания. В нем всячески подчеркивается верность полицейских чинов своему долгу, успешность действий полиции в крайне сложных условиях. Второй документ — отрывки из дневника смотрителя полицейского дома Пресненской части Н. Бардина, в разгар восстания находившегося в его центре — на Пресне. В заметках Бардина даются красочные картины событий начала декабря 1905 г. Их отличает определенная ирония по отношению к себе и своим коллегам, стремление к объективному освещению происходящих событий, оценке как сторонников, так и противников власти. Бардин, в отличие от своего начальства, довольно критически оценивает действия полицейских властей в ходе беспорядков.

**Говоров Игорь
Васильевич,**
*доктор исторических
наук, профессор,
Санкт-Петербургский
университет
МВД России
(Санкт-Петербург)*

рядков. Пожалуй, главное ощущение, которое возникает при чтении его записки, — чувство всеобщей растерянности и даже паники, охватившей полицейскую власть Москвы. Рядовые полицейские оказались лишены управления и руководящих указаний, ограничивались пассивной обороной от восставших, а также оценивали действия своего руководства декабре 1905 г. как откровенную трусость. Так, градоначальник Г. П. Медем фактически самоустрашился от работы, укрылся в своей квартире и даже отказывался встречаться с полицейскими чинами, пробиравшимися к нему за указаниями². Впрочем, после завершения восстания его «успехи» были оценены властью званием генерал-лейтенанта³.

По сути, «Записка Бардина» демонстрирует как неготовность властей к началу восстания (несмотря на то, что о его подготовке было хорошо известно), так и слабую организованность левых партий, которые не смогли воспользоваться даже временным преимуществом в начале восстания. В тексте записки содержатся интересные характеристики таких известных исторических фигур Московского вооруженного восстания, как Н. П. Шмит (Шмидт) и полковник Г. А. Мин, а также описание «духа» дней декабря 1905 г. с присущими им трагичностью и жестокостью.

Представленные документы входят в собрание материалов ревизии московского градоначальства в 1907–1908 гг., хранящихся в личном фонде сенатора Н. П. Гарина (Ф. 935) Российского государственного исторического архива. На наш взгляд, они позволяют более глубоко и разносторонней представить события декабря 1905 г. в Москве, оценить ситуацию в городе в дни баррикадных боев.

№ 1

Памятная записка московского градоначальника барона Георгия Петровича фон Медема о деятельности столичной полиции в период восстания

[середина декабря 1905 г.]

К началу последних крупных городских беспорядков Московская городская полиция оказалась далеко не в полном составе — налицо было: из 4 старших чинов лишь 1 — генерал-майор Будберг,

из 126 участковых приставов и их помощников — 96,

из 288 околоточных надзирателей — 264,

из 150 городских резерва — 74.

Из числа 1865 городских вооружена револьверами была лишь третья часть; и, несмотря на это, безоружные городские стойко выдерживали натиск революционных масс, часто стреляющих из-за угла. Во время беспорядков удалось вооружить до 50 городских — конфискованными, еще не сданными на оружейный склад — револьверами разного типа и калибра.

безоружны, так как нельзя же считать вооружение — револьверы, которые вместе в патронами валялись лет 20 в цейхгаузе, да и такого несчастного оружия было два экземпляра, а у остальных, кроме никуда негодных шашек, ничего не было. Кто в них стрелял, осталось невыясненным. Большинство было уверено, что революционеры. Некоторые с этим не соглашались и приписывали этот поступок обыкновенным ворами. Вскоре после этого случая был разгром 1 и 3 участков, и ни один городской не был убит, ограничились тем, что отобрали оружие. Пристав 1 участка убежал, а другому был даже оказан почет и позволили взять свои вещи. Но оказанное в данном случае снисхождение к полиции для революционеров пользы никакой не принесло — городские не забыли своих ранее убитых товарищей и впоследствии пощады никому не давали.

11 декабря полиция 1 и 3 участков в полном составе переселились к нам в часть. Народу собралось много, а защищаться нечем — всего вооружения — семь старых револьверов. Со стороны церкви Покрова по полицейскому дому идёт револьверная стрельба, но безрезультатно, так как часовые у нас сняты, огни в окнах потушены или занавешены и сами мы, находясь в задних комнатах, занимаемся, кто чем захочет — некоторые пьют водку, другие играют в карты. Все переодеты в штатское платье, а наш уважаемый доктор, прицепив себе на руку красный крест, забился в самый темный угол. Ожидали нападения на часть. Своими силами мы отстоять ее не могли, а надежды на какую либо помощь не было, так как были отрезаны со всех сторон.

Последний наш оплот — казачий отряд с одним орудием — выехав из части, пока это было еще возможно, оставил нас на произвол судьбы. Как ни просили казачьего офицера не оставлять нас беззащитными, ничего не помогло — уехали таки, мотивируя свой отъезд тем, что он не имеет права подвергать вверенный ему отряд опасности быть уничтоженным, так как у него мало снарядов для орудия, а на его требование доставить ещё отказано.

Неустойка со снарядами получилась по следующему случаю: накануне своего отъезда казакам зачем-то понадобилось отправиться по направлению к Пресне. Под предводительством офицера казаки вышли из ворот части и, не доходя Зоологического сада, были встречены сильным револьверным огнем; потеряв пять человек ранеными, отряд был принужден вернуться обратно в часть. Чтобы отплатить врагам, сейчас же было поставлено во дворе полицейского дома орудие и началась стрельба по находящемуся вправо от части белому дому. От первого же выстрела у нас вылетела половина стекол из окон, а при следующих и остальные не уцелели. Хорошо, что в нашем распоряжении оказались два ящика стекол, сданных каким-то учреждением нам на хранение. Немедленно употребили их все в дело и окна вставили. Результат бомбардировки был не из удачных — убиты четыре богаделки. Белый дом оказался церковной богадельней.

Находясь после отъезда казаков в безотрадном состоянии, послали телеграмму Градоначальнику с просьбой о присылке хотя бы роты солдат. Начальство ответило, что имея гарни-

зон более 150 человек, можно продержаться и без солдат, а про то, что у нас нет оружия, забыли. После такого ответа, мы положились на волю судьбы и успокоились по пословице — чему быть — не миновать. На наше счастье у наших противников или не было опытного руководителя и сколько-нибудь энергичных людей, чем можно объяснить, что наша часть уцелела, или же у нас в сильнейшей степени увеличивали опасность нашего положения, рассчитывая, что против нас стоят тысячи, а на самом деле была, может, сотня, да и то плохо организованная. Предположение это в некоторой степени подтверждается по действиям отряда полковника Мина⁴, который с ничтожными потерями со своей стороны подавил восстание.

По направлению Сущева и Тверской от нас были слышны частые орудийные выстрелы и ружейные залпы. Кто в кого стреляет, нам было неизвестно. Носились слухи, что город во власти революционеров, некоторые полки перешли на их сторону, и теперь идёт правильная битва с теми, кто остался верен Правительству. По этому поводу у нас было нечто вроде со вещания — «Что же нам-то делать?»

Положение наше, действительно, и смешное и, вместе с тем, печальное. Часть наша обратилась по своему положению в крепость, как таковую обязаны защищать, защитники есть и даже много, а надлежащего для защиты оружия нет. Пошли было в цейхгауз посмотреть — не завалилось ли куда-нибудь, какого оружия, — действительно, откопали три мушкета времен Екатерины, и два тесака еще более древних лет.

Хорошо еще, что отыскивая оружие, натолкнулись на водку, которой было достаточное количество, и, рассудив между собой, решили ее выпить. Подкрепившись, как следует — воодушевились сильно и решено было крепости ни под каким видом не сдавать, а вместо ружей употребить для защиты трехполенные дрова, заострив с одного конца.

Наша храбрость осталась на деле недоказанной, ввиду того, что у высшего начальства вскоре получилась возможность вооружить нас настоящими ружьями.

Приказано было приехать поздно ночью в арсенал на пожарных линейках за ружьями и патронами. В продолжение этого дня у нас была полнейшая тишина, нарушаемая только всё продолжающейся стрельбой со стороны Тверской.

Видя, что нас оставили в покое, некоторые отправились раздобывать провизией. Революционеры, решив вероятно, что мы не желаем вступать с ними в борьбу, перестали на нас обращать свое внимание, так как молчание наше на их выстрелы было очень загадочно для незнающих с какими средствами мы сидим в части.

Ружья привезены и сейчас же розданы на руки, патронов выдали без счета, и нельзя представить той радости, которой был охвачен наш гарнизон. Никогда и ни в какие торжественные дни мне не приходилось наблюдать такого подъема духа и все только потому, что людям была дана возможность защищаться и если надо — умереть с оружием в руках.

Начало грозных дней в Пресне положено. Грохот выстрелов с этой ночи не прекращался в течение нескольких дней.

Ранним утром открыли стрельбу по баррикадам и, видя, что результат получается неважный, хотели перейти в наступление, не зная сил противника, но благоразумие одержало верх, и наступление отменили.

Вечером прибыл отряд Семёновского полка, и хотя нам самим было тесно, но всё-таки разместили всех как следует.

В квартире пристава командир отряда, полковник Мин собрал совет, на совете решено было начать поход в 4 часа утра.

В два часа ночи привезли ко мне под усиленным конвоем из Арбатской части Шмита⁵. Шмит представлялся нам совсем другим, чем он оказался на самом деле. Глядя на его беспомощную, опустившуюся фигуру, не верилось, что это тот самый человек, который бросил полную довольства жизнь, вооружил своих рабочих и стал во главе революционного движения.

Как было назначено, так и сделано — в 4 часа ночи начался окончательный разгром революции. Часа через два усиленной орудийной стрельбы была завоевана позиция, с которой можно было обстрелять фабрику Шмита.

Но раньше, чем начать обстрел фабрики, полковник Мин прибыл в полицейский дом для переговоров со Шмитом.

Войдя в камеру арестованного, полковник Мин предложил Шмиту, во избежание лишних жертв и разгрома фабрики, написать к оставшимся на фабрике руководителям записку с предложением не сопротивляться и выдать все находящееся на фабрике оружие. Растерявшись от всех приключений, которые были с ним в эту ночь, Шмит, не сознавая огромной важности такой записки, хотя и протестовал против ее редакции, уверяя полковника Мина, что у них на фабрике оружия нет, а если и находится, то без его ведома, и никаких руководителей он не знает, всё-таки согласился писать. Дав ему сроку 10 минут, полковник Мин приказал записку доставить ему и вышел из камеры, а Шмит принялся писать, адресуя, как я помню, на имя Гаврилика и какого-то еще лица.

Записка отослана Мину, и одновременно с этим открыта стрельба по фабрике и, как мне кажется, начали даже без ведома полковника Мина, а потом останавливать было не к чему.

Зарево пожара разрастается. Зрелище грандиозное. Грохот орудий не смолкает.

Зажигают церковный дом против ворот части, так как, несмотря на то, что солдаты работают и очень успешно, нашлись трое или четверо смельчаков, которые, пользуясь суматохой, зашли в тыл, забрались в пустой церковный дом и открыли револьверный огонь. При том громе, который у нас происходил, долго не могли понять, откуда к нам летят пули. Наконец, догадались, пустив пять-шесть залпов по дому, увидели, что в заднюю дверь бежали трое мужчин, двое из них, не пробежав пяти шагов, упали, третий вернулся обратно, в дом. Один из упавших поднялся и, спрятавшись за помойную яму, начал опять пускать по

нам пулю за пулей. Но против солдатских ружей, револьверная пуля на дальнем расстоянии ничего не значит — скоро и ему пришлось умолкнуть. Третий участник, намереваясь спастись из горящего дома в окно, был брошен обратно в огонь.

Трупы убитых, один из которых по виду принадлежал рабочему, а другой, одетый в студенческую тужурку, были положены в часовню, куда были доставлены только что убитые фельдфебель и ефрейтор Семеновского полка; там же находился ранее убитый где-то в Грузинах, уволенный в запас офицер, и труп расстрелянного начальника сыскальной полиции Войлошникова, его пришлось перенести в часовню из дома Купчинской, который был разбит гранатами и сгорел. Больше места в часовне не было, и для дальнейшего размещения убитых был отведен пожарный сарай. Пожар принял огромные размеры и приблизился к части, остался один дом Емельянова, не тронутый ещё огнем, но и ему грозила опасность. Хозяин дома мечется, как сумасшедший, по полицейскому двору, умоляя всех, чтобы позволили пожарной команде отстоять его дом, при этом клянется, что из его дома никто в войска не стрелял, и квартиры еще стоят пустые, так как дом недавно отстроен. Узнав, что квартиры пустуют, сейчас же было приказано пожарной команде дом отстоять, так как к нам на подмогу прибыли казаки и Ладожский полк, а мест для размещения их не было. Семёновцы перебрались на новые квартиры, а вновь прибывшие остались у нас.

Через некоторое время получили распоряжение не давать огню больше расходиться. Что горит, пусть догорает, а уцелевшие дома охранять. Благодаря этому пожар скоро прекратился, и мы могли с каланчи смотреть на открывшуюся перед нами картину разрушения. На протяжении версты по прямой линии взгляд наш ничего не встречал, кроме дымящихся развалин.

Начался расстрел с каланчи всех, кто ни покажется на глаза, для удовольствия, ради спорта, оправдываясь тем, что стреляют по революционерам.

Полковник Мин, при начале военных операций, на просьбу одного из приставов пощадить мирных жителей и не расстреливать их квартир, ответил, что мирных жителей он не признает. Был прав, так как в него и его отряд стреляли, а кто и откуда стреляет, разобрать трудно. У нас же вокруг части революционеров давно нет, и никто в нас не стреляет. Такая охота продолжалась целый день, с наступлением темноты прекратилась и на другой день не возобновлялась.

В эту ночь произошло крайне неприятное недоразумение, которое окончилось только по счастливой случайности без жертв. Против заднего двора части находилось большое владение, занятое раньше общежитием студентов. Как только к нам доставлены были ружья, так по этому общежитию была пущена не одна сотня пуль, и живущим там пришлось искать более безопасное место, но наш гарнизон все-таки, хотя и редко, но продолжал стрелять по этому дому; так случилось и в эту ночь, но вслед за нашими выстрелами раз-

дались ответные и тоже ружейные, произошла тревога — стали стрелять залпами и в ответ получали такие же залпы. Происходит, что-то невероятное — тогда как полковник Мин, подавив совершенно восстание, находится на фабрике Прохорова, — революционеры в большом количестве, хорошо вооруженные, сделали нападение на часть. Хотели было пустить в дело пулемет, но к счастью прибывший из общежития офицер вывел нас из заблуждения. Оказалось, что две роты солдат заняли дом общежития, нас об этом не поставили в известность, и, отвечая на наши выстрелы, тоже думали, что на них произведено нападение со стороны революционеров. Темная ночь и местность, занятая огородами, много способствовали такому случаю.

Верно

За заведующего делопроизводством ревизии [подпись неразборчива]

Российский государственный исторический архив. Ф. 935. Оп. 1. Д. 17. Л. 3–10. Машинописная копия.

¹ Характерный пример подобного подхода — научно-популярное издание: *Головков Г. З. Бунт по-русски: палачи и жертвы: рандеву с революцией 1905–1907 гг. М., 2005.*

² Российский государственный исторический архив. Ф. 935. Оп. 1. Д. 5. Л. 27. — Барон Георгий Петрович фон Медем до назначения градоначальником был помощником начальника штаба Отдельного корпуса жандармов. Градоначальник — высшая административная должность в крупных городах Российской империи (Санкт-Петербург, Москва, Ростов на Дону, Одесса и т. д.). В функции градоначальника входило руководство деятельностью учреждений общей, сыскной и политической полиции, контроль за работой органов городского самоуправления (Городская Дума) и сословных учреждений, выдача разрешений на открытие мелких и средних предприятий, клубов, ресторанов, создание общественных организаций, контроль за состоянием и содержанием частных и общественных зданий, соблюдением правил строительства, санитарным состоянием, обеспечение противопожарной безопасности, выдача видов на жительство и загранпаспортов и т. д. В Москве должность градоначальника была введена указом Николая II 1 января 1905 г. Назначался указом императора, подчинялся министру внутренних дел и московскому генерал-губернатору. По своему положению — третье должностное лицо в Москве (после генерал-губернатора и гражданского губернатора).

³ *Гурьев В. И. Московские градоначальники — руководители московской полиции // Научный молодежный ежегодник. Вып. 4. Ч. 3: Различные аспекты русской истории и культуры. М., 2009. Электронную версию см. в Интернет. Режим доступа: <http://www.ysa-human.narod.ru/NME422009.pdf> (дата обращения: 11.01.2012).*

⁴ Мин Георгий Александрович (1855–1906), командир лейб-гвардии Семеновского полка. Жестоко подавил Московское вооруженное восстание в декабре 1905 г. В августе 1906 г. убит эсеркой З. В. Коноплянниковой.

⁵ Шмит (Шмидт) Николай Павлович (1883–1907), фабрикант, один из активных организаторов декабрьского вооруженного восстания. Арестован 17 декабря 1905 г. Содержался в Бутырской тюрьме в одиночном заклю-

чении почти 14 месяцев. Обстоятельства гибели в тюрьме до конца не выяснены. Наследство Шмита стало «яблоком раздора» в РСДРП.

Revolt of December 1905 seen by Moscow Police Officers.

Published by I. V. Govorov

AUTHOR: Ph.D. in History, Professor, Saint-Petersburg State MVD University (Saint-Petersburg); igogovoro@yandex.ru

REFERENCES:

¹ Golovkov G. Z. Bunt po-russki: palachi i zhertvy: randevu s revolyuciej 1905–1907 gg. Moscow, 2005.

² Russian State Historical Archive.

³ Guryev V. I. Moskovskie gradonachal`niki — rukovoditeli moskovskoj policii // Nauchnyj molodezhnyj ezhegodnik. Vy`p. 4. Ch. 3: Razlichny'e aspekty' russkoj istorii i kul`tury'. Moscow, 2009.